

ДЕТИ, ЖЕНЩИНЫ И ВОЙНА

Идет военный парад на Красной Площади в честь Победы Великой Отечественной Войны, даёт интервью генерал в отставке. «Сейчас молодёжь – другое поколение, молодёжь интернета, и вряд ли какой современный юноша из таких поведёт солдат за собой, а мы в 17 командовали полками!» - с горечью говорил ветеран. Но тут же наперекор его словам белобрысый мальчишка из толпы отдаёт честь проходящим мимо военным, сердце просто замирает от такого патриотизма с малых лет. А этот юнец с таким чувством исполняет «вставай Страна огромная» - мурашки по коже. Нет, никогда не переведётся русский дух у нашего народа!

Июнь 41-го года. Молодая семья проживает на съёмной квартире, не имея собственного гнёздышка, оттого, что муж политрук, воюет то на монгольской, то на финской войне, только дети успевают рождаться: Саша с 36-го, Маша с 38-го, а Витеньке только 20 дней от роду.

Страшная весть снова пришла в их дом. Объявили войну, на церковной площади толпы народа. Идёт отправка на фронт. Новобранцами стоящими вплотную, буквально набивают «полуторки» и отправляют на железнодорожную станцию города Магнитогорска. Стоит неугомонный плач женщин. Прасковья с полными глазами слёз остаётся с тремя малолетними детьми на руках, а впереди - неизвестность. Она сильная, мужественная женщина, хоть и молода. Надеется только на родительскую помощь, уезжает в деревню, там за небольшие деньги покупает плохонькую избёнку, и в придачу сделанный из плетня сарайчик, в котором от прежних хозяев остались каменные жернова.

Поступила на работу в колхоз. Оставив новорождённого Витю на бабушку, она уезжает на двухнедельный курс трактористок, по окончании, едет в поле убирать созревший урожай. Приедет к ночи, покормит малыша грудью, а он не принимает молоко матери – оно перегорело. По настоянию родителей пошла к начальству, просить работу поближе к дому, чтобы чаще кормить дитя. Поставили роженицу в кузнецу молотобойцем к старику-кузнецу. Он берёт клещами красную коленную болванку, а она бьёт со всего маху по ней, расплющивая. Облегчили труд! Пока мать на работе, 5-летний Саша тоже на заработке, всем досталась война. Соседи приносят оставшиеся в сусеках зерно, а он мелет на жерновах. Вечером матери хвастается: «Мам, а я стакан муки заработал – обметал камушки и сгрёб остатки!». Сколько же радости было у всех! Приходилось Прасковье работать и за мужика и за бабу: сеяли, пололи, косили, убирали урожай, ухаживали за колхозными животными; сдавали для фронта шерсть, молоко, мясо, яйца; вязали носки и варежки. Во время сенокоса на сеновале в колхозе на троих женщин давалось задание: за световой день нужно было уложить стог сена 11 тонн. Её подруга уж больно хорошо умела укладывать, вершить сено, чтобы оно не промокло и не сгнило под дождём,

другая напарница подгребала. Прасковья молодая и сильная большущими пластами ловко подавала душистое сено наверх.

В зимнюю пору, женщин отправляли на заготовку строевого леса в Юрюзань. Лес нужен был для фронта, на прокладку рельсов и изготовления накатов для штабов. Коротким зимним днём каждой нужно было напилить 6 кубометров строевой сосны, уложить в кладку и убрать сучья. «Снега тогда были большими, идёшь, идёшь да как ухнешься - так и увязнешь по плечи, придёшь вечером на квартиру, вся мокрая. Добрая хозяйка обсушит, обогреет, а иная – не позволит ничего, так и пойдёшь на работу на следующий день в мёрзлом обмундировании. Ну, ничего – Бог и силы и здоровье давал, некогда было хворать», вспоминает она.

Своему хозяйству время уделялось только ночью, скошенное сено лежало в стогах до зимы. Вот она и наступила. Своей скотине дать нечего. С вечера решила привезти воз сена на быке. Утро стояло морозное, тихое. Запрягла быка, посадила помощника –шестилетнего Сашу на сани. Поехали. В поле началась позёмка, а дальше пурга, ничего не видно. Бык упрямо шёл, пока дорога была. Свернув к стогу, встал как вкопанный, не сдвинешь с места. Кое-как довела быка до сена. Там новые трудности – стог весь задутый, но и его откопала. Начала накладывать сено в сани, Санька старается топтать его, как мужичок! Неожиданно для них завыли волки на разные голоса, казались они вот, где-то рядом! Мальчонка заревел, запричитал: «Мамка, я боюсь, они сейчас нас всех съедят!». А она спокойно в ответ: «Не плачь, сынок, они нас не тронут, у нас же вилы!». Сколько мужества у этой женщины! Прочитала молитву, вой стих. Воз хороший получился, а дорогу замело, опять копать. Благополучно возвратились затемно.

Шёл четвёртый год войны. Хоть и запретно было, но люди верили в Бога, а как не верить при таком горе? Только «выключки» (удостоверения о смерти) и получали с фронта. Поревут совместно, да и опять бригадами работать едут. К счастью, по многочисленным просьбам женщин, приехал в деревню священник, детей крестить. Крещение подходило уже к концу, Прасковья к батюшке – «что же, Витенька мой некрещённым останется, ведь три года уже ему? Подождите, батюшка, немножко» - упрашивала Прасковья. А он в ответ: «А где же младенец?», а мать: «с братишкой на тележке уехал в лес».

Всем досталось это лихолетье, никого война не пощадила, ни малого, ни старого, ни того, кто на фронте, ни того кто в тылу